

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ УБЫХОВ КАК ОСНОВА ИХ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Кишмахов

Магомет

Хаджи-Бекирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Карачаево-Черкесский госуниверситет (369200, Россия, г. Карачаевск, ул. Ленина, д. 29).
E-mail: kishmakhova_a @ mail.ru

Аннотация

Статья освещает состояние культуры жизнеобеспечения адыгов и убыхов Больших Сочи в недавнем прошлом (XIX в.), народонаселение которых в основном было депортировано в Османскую империю. В ней обосновывается вывод о достаточно высокой по тому времени агрикультуре местного населения. Дается оценка уровню развития хозяйства новопоселенцев для обеспечения собственных нужд. Исследование наставляет о необходимости ведения в этом секторе Причерноморья более эффективной, экологически обоснованной научной системы ведения земледелия, садоводства и других отраслей хозяйства.

Ключевые слова: *агрикультура, земледелие, садоводство, животноводство, культура обеспечения населения экологически чистыми продуктами питания.*

Известно, что убыхи до мая 1864 г. занимали земли Черноморского побережья Кавказа между реками Шахе и Хоста. Они являются тем населением, которое вместе с соседними родственными этническими образованиями абхазо-адыгской языковой группы в этом регионе с древних времен создавало культуру жизнеобеспечения своего народа, восходящую к древнему населению восточно-малоазийских земледельческо-пастушеских племен, из которых они сформировались как отдельный народ на занятом ими секторе восточного побережья Черного моря. Они оставили здесь с соседними племенами множество артефактов, свидетельствующих о созидательной деятельности со времен бронзы.

Об истоках жизнеобеспечения убыхов ретроспективно свидетельствует прежде всего лексика языка из древнего пласта исконных терминов. К ним можно причислить такие исконные лексические единицы как, например, камень, огнище, заострить, шлифовать, охота, охотник, стрела, земля, копать, поле, посевное поле, корчевать, просо, пшено, рожь, пшеница, луковица, редиска, тыква, собрать урожай, пастух, пастбище, овца, молоко, плуг, ручной жернов, коса, лопата, крючок, серп, молот, наковальня, цепь, пила, седло и некоторые другие названия домашних животных и птицы [1, с. 56 – 108]. Они не имеют сходства с аналогичными понятиями в языках родственных им абхазо-адыгских народов, что говорит о самостоятельном усвоении народом этих терминов из собственного опыта жизнедеятельности.

Для убыхов, как и других кавказских народов, земля являлась основой их жизнедеятельности, источником всех других занятий, при помощи которых они кормились, одевались, обувались и обустроивали всю свою жизнь. Поэтому земледелие для них являлось той отраслью хозяйства, от которой зависело благополучие всего народа. Народ это понимал и делал все от него зависящее, чтобы бережливо относиться к своей земле.

Анализ материалов исследований археологов, средневековых известий и свидетельств очевидцев жизни убыхов на исторической родине, в том числе остатки материальной культуры после их выселения в Порту говорят о последовательном развитии следующих систем земледелия: подсечно-огневой, залежно-переложной и пашенно-садоводческой. Все они сопровождалась (в особенности в начальный период земледелия) мотыжной обработкой земли.

Однако названные системы земледелия или их сочетания не отвечают тем строгим критериям оценки, принятым в агрономической науке в хронологическом и пространственном значениях. Всё дело в том, что горный рельеф местности, высокий уровень облесения, почвенные и климатические характеристики региона диктовали свои условия ведения земледелия. Все три системы ведения земледелия можно было наблюдать и в XIX в.

Исследователь вопроса И. Серебряков указывал: «Лес истреблялся бывшим туземным населением систематически, в силу принятого ими метода хозяйства, требовавшего уничтожения лесов для удовлетворения нужды главных местных промыслов – хлебопашества и скотоводства ...» [2, с. 8]. О подсечно-огневом методе освобождения земель под пашню писали агроном И. Хатисов, лесовод А. Ратиньянц, исследователь основ хозяйства в Сочинском округе И. Н. Клинген и др.

Вплоть до переселения народа в Османскую империю современники убыхов были очевидцами применения ими метода подсаживания деревьев, последующей корчевки пней и сжигания их вместе с другими растительными остатками. Зола использовалась в качестве удобрения. При этом способе освобождения земли от лесной растительности под пашню, убыхами использовались кирка, лопата и специальный топор. Топор, по свидетельству А. Н. Дьячкова-Тарасова, представлял собой некий «гибрид» топора и кирки, «к переднему, внешнему концу лезвия» которого была приделана «стальная палочка, имеющая своим назначением предохранять лезвие от ударов по камням» [3, с. 17].

Залежно-переложная система ведения земледелия заключалась в оставлении пашни на несколько лет, иногда до 15 лет, для восстановления почвенного плодородия путем внесения золы, навоза и птичьего помета. Периодически на таких участках производилась очистка от кустарниковой и другой сорной растительности путем их сжигания.

Названная нами выше пашенная, а точнее – пашенно-садоводческая, система земледелия заключалась в том, что убыхи и их ближайшие соседи – джигеты (садзы) и шапсуги, культура жизнеобеспечения которых была идентична, фактически к новому времени в основном пользовались указанной системой землепользования. Первые другие две системы были как бы методами поддержки уже сложившейся к XIX в. пашенно-садоводческой формы ведения земледелия. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что к указанному времени у убыхов и у соседей по побережью моря все удобные для возделывания сельскохозяйственных культур земли были заняты под посевами, в том числе пригодные в этих целях южные склоны холмов и хребты относительно невысоких гор, а местами – и земли вплоть до Главного Кавказского хребта. Менее удобные для ведения пашенного земледелия участки использовались под сады и виноградники. По образному выражению И. Н. Клингена, к указанному времени здесь сложилось «лесохлебное хозяйство» [4, с. 3 – 129]. В частности, И. Н. Клинген, касаясь сложившейся системы земледелия у горцев Сочинского округа, полагал, что в основе их «лесохлебного хозяйства» были элементы горского севооборота в виде четырехпольной плодосмены: 1) кукуруза – кукуруза, 2) пшеница – пшеница, 3) просо и 4) 14 – 15 лет залежи под пастбище и лес. Однако, учитывая рельеф местности и различие высотности расположения удобных для возделывания земель, он предполагал наличие и более простых севооборотов: 1) «одна половина площади шла под посев, а другая половина в пар»; 2) на менее удобных «посредственных землях в более пересеченной местности 0, 25 земли» использовалась под посев культур, а другая часть (0,75) отводилась в залежь; 3) «на очень крутых склонах 1/8 площади [находилась] под посевом, а 7/8 – под залежью». Поэтому очевидцы жизни приморских горцев периода Кавказской войны писали: «Расчистка лесов заменяла для туземцев все способы к возвращению плодородности пахотных полей».

Очевидцы с британских островов восторженно отзывались об уровне агрикультуры местных «дикарей», живших по побережью Черного моря. Во второй половине 30-х годов XIX в. Э. Спенсер отмечал: «С первого же момента, как мне открылись их долины, вид страны и населения превзошел все мои самые пылкие представления. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных долин и холмов ..., почти ни одного клочка земли не было некультурного. Огромные стада коз, овец, лошадей и бы-

ков бродили в разных направлениях по роскошной траве». Он же подчеркивал: «... благодаря искусным рукам крестьян, поля, пастбища и луга окружены изгородью. Их трудолюбие, бережливое отношение к земле и окружающей среде в сочетании с горами и роскошными лесами превратили этот край в красивый парк» [5, с. 355 – 367].

Из почти трех лет пребывания английского резидента Дж. Белла на Черноморском побережье Кавказа, большую часть времени в 1837 – 1839 гг. он проживал в Убыхии. Часто посещал их долины и аулы. Его оценки культуры земледелия заслуживают более сдержанного и объективного доверия. Где только не бывал, отмечал он, везде встречались многочисленные аулы, «расположенные друг от друга на пушечный выстрел». Аулы были окружены «великолепно возделанными полями», роскошными фруктовыми садами, виноградниками, в особенности к югу от Ваи в Хисе, Вардане и Сочи. Он же писал, что «Узкая долина Субеша, реки, на берегах которой в данный момент нахожусь, выглядит особенно богатой и очень хорошо возделана ...». А по пути из Субеша в Вардане, осмотрев земледельческое хозяйство убыхов на склонах гор и хребтах, он заметил, что «... земли, заключенные между крутыми скатами, были вспаханы до вершины» [6, с. 41 – 49].

В том же духе, как и британцы, в 1862 году отечественный наблюдатель В. Д. Скрягин, уж которого нельзя подозревать в восторженной оценке культуры ведения землепользования, писал, что на кавказском побережье «не видишь ни одного клочка земли, доступного к обработке, который оставался бы в запущении. Горы изрезаны до самых вершин шахматами пашни» [7, с. 313]. Слова и другого отечественного очевидца И. О. Орехова о том, что «убыхи, по-видимому, мастерски пользовались каждым клочком земли» [8, с. 343] не оставляет сомнений в высокой степени бережного отношения их к единственной кормилице – к земле, и ко всему тому, что окружало их селения.

Француз Дюбуа де Монпере, путешествовавший на корабле по восточному побережью Черного моря раньше англичан на несколько лет, спускавшийся иногда на берег с вооруженной охраной на несколько часов, дал не слишком лестную характеристику трудолюбию приморских горцев. Он указывал: «К какому бы классу черкес не принадлежал, он всегда ленив и, насколько возможно, уклоняется от работы, если она чуть-чуть труднее; он предпочитает подвергаться опасности разбойной жизни, чем заниматься трудом ... Это особенно верно в отношении натухаджей, шапсугов, убыхов и всех горных племен в местностях с неблагоприятными условиями почвы» [9, с. 149]. То есть, это было сказано в адрес именно тех горцев, которые занимали непокорную позицию против колонизации их земель Россией, от которой он получил к тому же благоволение плавать по берегу моря, да с российской охраной. Не мог же он заметить, что-либо цивилизованное у «дикарей», как, например, у крестьян Парижских окрестностей. Он при этом почему-то умолчал о причинах «картофельных революций» во Франции.

Между тем, Дюбуа не один в подобных оценках. Не увидели в хозяйстве убыхов и их соседей ничего положительного и ряд других наблюдателей, в основном – военных, которых, впрочем, интересовало больше всего результаты своих боевых подвигов по угону тысяч голов скота, уничтожению сотен аулов, посевов, полей готовых к уборке урожая, преданию огню всего того, что поддерживало жизнедеятельность горцев. Так, генерал К. Ф. Сталь и подобные ему считали, что «шапсуги, натухайцы и убыхи очень бедны, земледелие и скотоводство их ничтожны» [10, с. 217]. И. Н. Клинген, критикуя необоснованность мнений некоторых военных авторов очерков об убыхах приводил их поверхностные мнения: Ф. Ф. Торнау, побывавший два года в плену у абадзехов, писал, что «Черкесы со времен Страбона не сделали никаких успехов в гражданской жизни» [4, с. 3 – 129]; военный историк Кавказской войны Р. Фадеев в оценке культуры жизнеобеспечения западнокавказских горцев снизошел даже до оскорбительного для горцев «агрономического» резюме: «Нечего жалеть, что страна опустела, вырваны плевела, взойдет пшеница» [4, с. 3 – 129]. Всходов этой пшеницы царская Россия ждала до начала XX века, когда новопоселенцы стали получать лишь ровно в два раза меньше убыхского урожая зерновых с одной десятины.

Не будем строго судить военных, главным предназначением которых была война. Жизнь горцев воспринималась ими вовсе не в сравнении с положением российского крестьянина, а через призму содержания их на высоком военном довольствии и дармовщинке.

Уровень культуры жизнеобеспечения убыхов и их соседей, уже после окончания Кавказской войны, критиковали и ученые мужи, которые предлагали, как правило, неудачные эксперименты по колонизации обезлюдившего края. Особенно категоричны в оценках были Варгас-де-Бедемар и агроном Гейдук. Шарден же, который не мог дать ни одну лестную оценку культуре хозяйства и быта прибрежных горцев, «не может вспомнить о них – писал Клинген – без ужаса и отвращения» [4, с. 3 – 129] и т. д.

Были и объективно оценивавшие бывшее хозяйство горцев приморья. К объективно мыслящим специалистам относились И. С. Хатисов, первый исследователь земель горцев междуречья Бзыби и Туапсе, А. В. Верещагин, П. С. Уварова, И. Н. Клинген и др.

И. Н. Клинген, осуждая критиков культуры хозяйства горцев Сочинского округа, в 1897 г. писал: «Исчезли горцы, но вместе с ними исчезло их знание местных условий, их опытность, та народная мудрость, которая у беднейших народов составляет лучшее сокровище и которой не должен брезговать даже самый культурный европеец. Горцы прекрасно умели возделывать зерновые растения, всякого рода орехи, хурму, яблоки, груши, винную ягоду и, несмотря на закон, угощали европейцев прекрасным вином. На юго-востоке занимались они хлопком, особый вид лебеды служил им для добывания селитры, а душистый мед тысячами пудов шел за границу. Их защитные насаждения вдоль рек, живые изгороди, лесные опушки кругом полей, древесные группы для затенения, воздушные силосы из листьев и ветвей – все вызывает одобрение агрономов. Веками выработанная система гигиенического режима предупреждения от лихорадки, особенно выбор мест для жилища, пользование водой, распределение работ по времени дня и по времени года в зависимости от вертикального профиля местности – все возбуждает удивление среди гигиенистов. Их плуги и рала, их выносливые горские семена были замечательно приспособлены к местным условиям. Скотоводство велось в огромных размерах, и из молочных продуктов приготавлился хороший и прочный сыр ...

Удалив из страны черкесов в силу общих государственных соображений, мы взяли на себя тяжелый нравственный долг удовлетворить цивилизацию за утраченные силы и за погибшую культуру, которая копилась 3000 лет, а погибла в 30 лет под напором чудовищно-творческой силы природы, уже несдерживаемой опытной и сильной рукой аборигена. Шестьдесят лет употребила русская армия для того, чтобы ценой невероятных страданий, усилиями неслыханного героизма, завоевать нам эту страну. Сотни миллионов рублей затрачены, сотни тысяч жизней загублены, а теперь эту страну снова нужно брать с бою, как в то первобытное время, когда в ней не было человека» [4, с. 3 – 129].

Комиссия И. С. Хатисова, проводившая исследование убыхских земель в 1866 году, отмечала в своем отчете, что, несмотря на очень сложный горнолесной рельеф местности, высокие хребты повсюду носили следы земледельческой деятельности и были «богаты хлебородными участками и пастбищами». Отмечая узость и труднопроходимость ущелья р. Кичмая, правого притока Шахе, где горные склоны были круты и высоки, Хатисов удивлялся тому, как местные убыхи находили возможность обрабатывать такие земли под посев кукурузы и проса. Он с нескрываемым сомнением писал: «Едва ли попадет в эти местности еще раз такое население, каково было убыхское, которое способно было бы обрабатывать эти крутизны» [11, с. 3 – 136].

Хлебные поля убыхов всегда были небольшими, представляли собой прямоугольные участки, расположены перпендикулярно направлению склона, чтобы не допустить их смыва. Они по площади, как правило, не превышали одной десятины, редко 2 – 3.

Частые дожди и ливни никогда не наносили ущерба убыхским полям. По скатам склонов они устраивали водоотводные каналы, укрепляя их камнями. Канавы эти, с боковыми ответвлениями, служили в то же время дренажем для самой пашни. Тем самым поля были защищены от смыва и от заболачивания. Комиссия Хатисова неоднократно обращала внимание в своем отчете на эти противоэрозийные мероприятия убыхских земледельцев.

На склонах слишком крутых для возделывания культур, убыхи прибегали к устройству и искусственных террас [11, с. 3 – 136].

Главным орудием вспашки почвы служило рало наподобие грузинской кави. О горском тяжелом плуге, как о весьма неудобном орудии, упоминает Т. Лапинский (Теффикбей), живший у приморских горцев в 1857 – 1859 гг. Плуг, о котором он упоминал, чаще всего употреблялся на равнинных полях Адлерского района. В окрестностях же Сочи, где почва была тяжелая, гораздо чаще встречалось рало на пару быков. О бороне не упоминается ни в одном источнике, кроме как у Т. Лапинского. Он упоминает о деревянной плетёнке с хвостом, вместо зубцов.

Уборка хлебов производилась серпом и косой малых размеров. Для очистки проса от шелухи горцы употребляли деревянную ступу. Помол зерна производился ручной мельницей в основном с каменным жерновом. Ближе к Абхазии, как отмечала комиссия Хатисова, горцы пользовались водяными мельницами простейшего устройства [11, с. 3 – 136].

Семена приморских горцев отличались от семян казаков Кубани и других российских провинций. Они были мелки, более выносливы к капризам природы, быстро прорастали и получали необходимое развитие. Их скороспелость до наступления летней сухой жары обеспечивала получение надежного урожая.

Как отмечал граф Варгас-де-Бедемар в своей записке об осмотре западного Черноморского берега (1867), хлебные злаки давали горцам хорошие урожаи: кукуруза от сам-40 до сам-80, томи 80 – 100, пшеница 18 – 30, а иногда сам – 35. Перевод этих «сам» в пуды, подчеркивал Клинген, показывает, что кукуруза давала в среднем с десятины более 150 пудов, томи – 150, а пшеница – 175 пуд. Он же приводит статистические данные от 1893 г., полученные от Сочинского начальника Краевского. Новопоселенцы Сочинского округа получали лишь 70 пудов кукурузы, 57 пудов озимой и 35 пудов яровой пшеницы, 64 пуда ржи, 27 пудов проса и 53 пуда ячменя, что наполовину меньше убыхских. «Здесь нет ничего удивительного, если принять в расчет, что аборигены превосходно изучили все нужные для успеха приемы культуры и подобрали наиболее подходящие породы хлебов», – писал тот же Клинген [4, с. 3 – 129]. К тому же, к месту будет указано, что ни один критик, отмечая «ничтожность» убыхского земледелия, не привел для сравнения ни одного примера урожайности сельхозкультур французского, немецкого или российского крепостного крестьянина.

Следует отметить, что убыхи на своей земле, кроме хлебных злаков, возделывали и широкий набор других культур. В работах отдельных авторов (Лапинский, Скорятин, Невский, Торнау, Варгас-де-Бедемар) отмечается, что полеводство и огородничество приморских горцев ограничивалось выращиванием в основном проса и кукурузы, они не знали об овощах и картофеле. В то же самое время, они и подавляющее большинство современников убыхов писали о том, что у них возделывались из хлебов – пшеница, рожь, ячмень, овес, просо, кукуруза, из огородных культур – бобы, горох, морковь, лук, чеснок, репа, красный перец, свекла, тыква, у хакучей – капуста, огурец и томаты. Их этому научили русские пленные. Южнее убыхов, у абазин помимо этого набора выращивали арбуз, лен, табак и хлопок неплохого качества [12, с. 55; 13; 14, с. 13]. Картофель действительно был завезен, в частности к жителям Адлерской долины, за 15 – 20 лет перед их выселением в Турцию. Всё указанное производилось в зависимости от потребностей. Просо, например, убыхами употреблялось ежедневно и много. Оно же шло на корм скоту, в особенности лошадям. Почти ежедневно на столе убыха можно было видеть блюда из кукурузы. Много кукурузы шло на продажу туркам. Естественно, что эти два вида культуры выращивались больше всего.

В сочинениях критиков убыхского земледелия можно обнаружить еще одну предвзятость, больше напоминающую якобы не бережное отношение горцев к земле, ссылаясь на отсутствие у них частной собственности на землю, которая якобы приводило к «ничтожному земледелию». В частности, Н. Ф. Дубровин, К. Ф. Сталь и др. считали, что у черноморских горцев в первой половине XIX в. не было еще частной собственности на

землю. Этот тезис некоторых исследователей уже в наше время приводил к ложному заключению о земельных отношениях в целом среди абхазо-адыгских народов, которые якобы вели к тому же полукочевой и даже – кочевой образ жизни.

Отвечая на последние утверждения, скажем, что их авторы впали в глубочайшую методологическую ошибку, забыв теорию образования классов и собственности в условиях феодальных отношений. Они забыли также, что абазины, адыги и убыхи фактически с конца XVIII – по 60-е годы XIX вв. вынуждены были спасаться бегством из своих аулов в горы от завоевательной политики царской России, чем бы это не оправдывалось. Перемещались они и по причине возникновения на месте жительства массовых чумных заболеваний. А то, что и после Кавказской войны горцы со своим скотом кочевали в горы – является ничем иным как необходимая хозяйственная мера, имевшее место в их жизни и в советское время.

Наиболее авторитетный очевидец жизни горцев кавказского причерноморья, в том числе убыхов Дж. Белл относительно их земельных отношений указывал: «Никто у этого простого народа (имел в виду рядовых крестьян, а не князей и дворян, – *М. К.*) не питает мысли присвоить более значительный участок земли, чем он может с пользой использовать, и потому своим считается лишь тот участок, который огорожен для конкретной культуры. Пастбища остаются в общем пользовании у жителей местности и редко когда огораживаются, и всякий, находящий незанятый участок земли, может поселиться и огородить его». Еще более убедительный пример, характеризующий земельные отношения у убыхов, привел он при посещении 22 мая 1838 г. дворянина Хасан-бея в долине Сочи: «Пахотная земля, будучи здесь из-за природы края значительно менее богатой, чем на севере (имелись в виду земли Закубанья, – *М. К.*), участки долин и менее обрывистые холмы, на которых этой земли больше всего, строго передаются семьями, владеющими ими, от отца к сыну. Именно поэтому Хасан-бей заявил, что не отдал бы и за две тысячи пиастров (около четырехсот франков) и части долины, коей его семья владеет уже сто пятьдесят лет и коей может иметь протяженность около восьми английских акров» [6, с. 27].

В унисон своему земляку Дж. Лонгворт утверждал: «Ограды являются здесь единственным документом на право владения землей; если их уничтожить, земля переходит в общественный фонд и может быть использован на тех же условиях любым, кто пожелает обрабатывать её» [15, с. 158]. Однако слова Лонгворта нельзя воспринимать в буквальном смысле, ибо отсутствие письменности у горцев вовсе не означает и отсутствие собственности на землю, или вообще упорядоченных земельных отношений. Горцы, во-первых, никогда не оставляли своих земель, разработанных трудами многих поколений, если это не вызывалось войной и междоусобицей кланов, или переходом к другому владельцу, что случалось крайне редко. Во-вторых, по обычному праву, раз и навсегда приобретенную землю, ни один из владельцев никогда не продавал. Об этом говорит и приведенный выше пример Хасан-бея. В истории прибрежных горцев был единственный пример, когда родом Зан был продан туркам клочок земли под крепость Анапу, что вызвало в свое время противостояние народа против решения рода Зан. В-третьих, любая попытка самовольного захвата (присвоения) земли без общего решения братства (сельских общин) могла закончиться кровопролитием. Поэтому, как об этом писал Белл, «никто у этого простого народа не питает мысли присвоить» землю.

Обобщая исторические известия о земельных отношениях бывших жителей Сочинского округа, Клинген отмечал: «Усадьбы и лежащие вблизи них пахотные участки находились в частной собственности, горные же выгоны и дальние пастбища – в общем пользовании. Но и частные земельные участки, давно разработанные, принадлежали собственным не отдельным лицам, а целому роду, неотъемлемою же собственностью считалась только земля под усадьбой, садом и огородом, а также всякий пахотный участок, вновь раскорчеванный отдельным домохозяином» [4, с. 3 – 129]. К общинному пользованию относились выгоны и сенокосные луга, а также леса. Начальник штаба войск Черноморья генерал Н. Карлгоф о земельных отношениях приморских адыгов и убыхов высказался предельно ясно: «Права собственности у черкесов распространяются ... на недвижимое имущество,

которое находится в действительном и непосредственном владении частных лиц и требовало от них собственного труда, как то: на дома и другие постройки, на поля, постоянно обрабатываемые; земля же, лежащая в пусте, пастбищные и луговые места, равно как и леса, не составляют частной собственности» [16, с. с. 111].

Рассматривая вопрос общинного землепользования, нельзя забывать также, что вся общинная земля была распределена между отдельными родами, товариществами, братствами, а в целом этническая территория считалась собственностью всего народа. И для того, чтобы воспользоваться, например, сенокосами или пастбищами соседей, необходимо было заключить по обычному праву договор аренды. На это указывают источники XIX в., когда убыхи, из-за нехватки пастбищ, ежегодно арендовали их у абадзехов и абазин в верховьях рек Белой, Малой и Большой Лабы и Ходзи.

Синтез всех сведений о земледельческой культуре убыхов позволяет сделать вывод о том, что они, до своего выселения в Османскую империю, владели всеми необходимыми в их природно-климатических условиях знаниями и практикой агрикультуры и природоохраны. Этот опыт позволял им получать с земли нужное количество растениеводческой и животноводческой продукции для питания, торговать частью из них, вести промыслы и ремесла, которые необходимы были для жизнедеятельности.

Неотъемлемыми составляющими земледелия убыхов на исторической родине были садоводство и виноградарство. Эффективность этих отраслей хозяйства также напрямую зависела от вековых навыков и уровня специальных знаний приемов агротехники, наличия орудий труда и познаний характера природно-климатических условий, в которых сады и виноградники могли дать максимум урожая при наименьших трудозатратах.

Культура садоводства и виноградарства убыхов уходит в глубокую древность. Безусловно, что аборигенное и праубыхское население Сочи и его окрестностей имели культурные контакты с Закавказьем и Передней Азией. Оттуда они, видимо, частью привезли с собой навыки культуры садоводства и виноделия, как хатто-малоазийское племя, близко знакомое с привычками разводить сады во времена царя Тиглатпаласара I (1151 – 1102 гг. до н. э.) и царя Ашурнасирпала (883 – 859 гг. до н. э.). Частью же праубыхи и их соседи использовали дары местной причерноморской природы – многочисленные дикие виды плодовых и ягодных растений, domestikация которых стало основой садоводства и виноградарства. Не прошли также бесследно пребывание на восточном причерноморье древних эллинов и римлян. Во всяком случае, эти утверждения находят свидетельства в исследованиях одних из родоначальников мировой науки в области палеофаунистики, палеоботаники, генетики и физиологии растений П. М. Жуковского, Н. И. Вавилова, С. А. Семенова и многих других ученых-растениеводов.

Благодаря их многолетним полевым работам установлено, что Кавказ, в том числе западная его часть, в рамках Евро-Азии признан одним из центров окультуривания каштана, сливы, черешни, яблока, груши и других плодово-ягодных культур.

П. М. Жуковский в одной из своих работ указывал, что дикая кавказская яблоня практически всегда располагалась рядом с грушевыми лесами и стала «основным компонентом в генезисе культурной домашней яблони», причем некоторые сорта яблони были получены путем прививок. Он приводит пример о «вегетативной груше» на Черноморском побережье Кавказа. «На Кавказе – писал он – происходил, очевидно, бурный процесс эволюции культурной груши. Здесь обитает свыше 20 видов рода *Pyrus*, в том числе *Pyrus caucasia*. Население с древнейших времен занималось прививками и отбором; здесь возникли во множестве спонтанные межвидовые и межродовые гибриды в зарослях диких плодовых ..., формирование культурных сортов груш происходил здесь совершенно независимо от эллинской культуры груши в Средиземье. Вряд ли Средиземье имеет приоритет в происхождении культурных форм груши; наоборот все данные за то, что именно Кавказ является ареной эволюции груши – как дикой, так и культурной ..., ни древность народов Греции, ни ее грушевые ресурсы, ни опыт населения не могут идти даже в отдаленное сравнение с таковыми на Кавказе ... В Средиземье баски знали о прививках раньше эллинов и научили им иберов. Но баски, возможно, связаны корнями с Кавказом, откуда и вос-

приняли прививки. Родина прививок – Кавказ. Индия не знала их» [17, с. 295, 302 – 306]. Как тут не вспомнить сходство между этнонимами «абаски», предков абазин и абхазов, и «баски», – нынешних жителей страны басков северо-запада Испании, язык и быт которых, как предметно установили В. Чирикба и ряд др. лингвистов, так близок абазинам и абхазам.

П. М. Жуковский считал также, что айва была одомашнена на Кавказе, откуда она попала в Малую Азию, когда там существовала хеттская конфедерация. Оттуда она проникла к эллинам, затем к римлянам, позже – северным путем в Южную Россию, на Украину и в Крым. Сорт айвы «Кыш-айва» на Черноморском побережье Кавказа приносил плоды весом 3 кг [17, с. 307 – 308]. Заимствование хеттами айвы с Кавказа является ярким подтверждением культурных связей его причерноморских хатто-малоазийских племен в лице абхазо-адыгов с прежней своей прародиной, о котором мы упоминали выше.

Известно, что Сочинский сектор приморья и прилегающие к нему с северных и южных склонов хребта лесные долины рек (в местах не выше 500 – 600 метров над уровнем моря) с древнейших времен отличались обилием различных видов слив – в особенности терна. П. М. Жуковский считал, что слива была одомашнена древними земледельцами Кавказа из естественных гибридов терна и алычи [17, с. 313 – 314, 317 – 318]. А кто является древними земледельцами на Западном Кавказе, наверное, излишне объяснять кому-либо.

В Убыхии и соседних территориях в обилии имелась культура кизила. Его много было особенно в Сочинском и Туапсинском регионах, где он рос вместе с алычой, боярышником, орешником и терном в лесосадах, под покровом другой древесной растительности.

Каштан использовался широко в хозяйстве. Из него изготавливали свои пиратские комары и галеры прибрежные ахеи, гениохи и зихи. Древесина из каштана прочнее древесины дуба, устойчива против грибковых заболеваний, раскалывалась ровно, как того желал мастер. Поэтому, из нее приморские мастера изготавливали множество деревянных изделий – дранку для крыши дома, различную мебель, винные бочки, цалды, чаны, столовые чаши, тарелки, ложки и вилки, лопаты, вилы, грабли, корыта водопойные, арбы, элементы конских седел и т. д. Плоды каштана использовались в пищу. Русский разведчик Ф. Ф. Торнау лично убедился в 1835 г. в том, что соседи убыхов – горные ахчипсоу, или так называемые медовеевцы, заготавливали в большом количестве каштаны, сушили их, зимой питались ими, предварительно разварив их в воде, подавали на стол вместе с маслом и молоком [18, с. 40].

Причерноморские горные районы Кавказа характеризовались обилием реликтовых зарослей плодоносящего орешника, которые коренным населением прореживались и они превращались в примитивные сады. Из молодого орешника и ивы горцы возводили жилые дома-плетёнки, хозяйственные строения. Убыхи прореживали и естественные насаждения алычи, сливы и в особенности винограда. Виноградную лозу иногда подсаживали под молодые саженцы деревьев, используя их в качестве опоры. Это делалось по многим причинам. Виноградная лоза, посаженная под дерево, постепенно распростиралась по всему дереву и меньше всего подвергалась высокой влажности и болезням, получала больше света, тепла и воздуха, а также была защищена от повреждения скотом и дикими животными. В качестве подпорных деревьев использовались саженцы ольхи, шелковицы, граба и др. древесных культур. Плоды каштана и орешника с древнейших времен употреблялись в пищу. Дж. Белл и его английские коллеги также неоднократно упоминают об угощениях плодами леса. 4 мая 1837 г., находясь в убыхском ауле Хаджи, Белл записал в своем дневнике: «Вскоре после нашего прибытия женщины отправили в дом наших хозяев большое количество лесных и грецких орехов, каштанов и винограда (виноград в начале мая! – М. К.), чтобы отвлечь нас до наступления ужина, который оказался весьма вкусным и из числа самых плотных» [6, с. 73].

П. Зубов в середине 30-х годов XIX в. отмечал, что у убыхов, гуае и у других приморских племен, живших ближе к Абхазии, имелись целые рощи черешневых, вишневых,

яблоневого и других фруктовых деревьев. «Сильная и могущественная природа их стран производит, без больших усилий человека, – писал он, – величайшее множество винограда, из коего жители делают вкусное вино и водку; и, несмотря на запрещение Корана, бьют почти ежедневно в нетрезвом состоянии» [19, с. 30].

Картину ухоженности долин и садов убыхов неоднократно отмечал и Дж. Белл, посещая их поселения. Будучи в Сочи, он писал, что луга здесь «украшены многочисленными фруктовыми деревьями – яблонями, грушами и орехами; некоторые из лугов самые большие из мною виденных. Но более всего меня поразило холм на западной стороне долины, почти полностью покрытый на пространстве в милю виноградниками, похожими на те, что я уже не раз описывал: одинокие деревья, вокруг которых в виде спирали извивается гигантский виноград. Эти, как и другие виноградники не огорожены, ими владеют сообща все соседи» [6, с. 7 – 8].

Через 20 лет после Белла и Лонгворта, польский офицер Т. Лапинский по поводу садоводства и виноделия убыхов писал: «В Убыхе вырабатывается много вина, которое очень крепко и вкусом сходно с вином греческих островов. Все виды фруктовых деревьев произрастают очень хорошо, и, хотя на них затрачивается сравнительно мало труда, здесь можно найти все сорта хороших фруктов ... Фруктовые сады и огороды особо огороженные, примыкают к двору» [12, с. 55, 110].

Вряд ли убыхи и их соседи удивляли бы своими достижениями в садоводстве и виноградарстве, если бы не обладали достаточным уровнем знаний и тысячелетней практикой по отбору, выращиванию, уходу и сохранению фруктовых и ягодных насаждений. Без этого они не могли иметь хороших сортов фруктов и винограда. И. О. Орехов, изучив практику садоводства убыхов, подчеркивал, что они при самых простых (по его мнению) приемах садоводства «производили сорта нежных плодов». А. И. Воейков и его коллеги, исследователи приморского хозяйства горцев, отмечали, что, хотя убыхские сады не отличались большим набором плодовых деревьев, зато их фрукты выделялись сочностью, величиной и продолжительной сохранностью.

Комиссия Хатисова в 1866 г. зафиксировала, что в Вардане, Дагомысе и Сочи имелись многочисленные сады фруктовых деревьев, среди которых встречались много привитых сортов. Ввиду этого здесь можно было наблюдать крупные плоды черешни, яблок и груш, которые можно причислить к лучшим облагороженным сортам. При обследовании междуречья Сочи – Шахе – Аше комиссия установила места, где в лесах и на хлеботородных участках, кроме алычи, кизила, винных ягод и других культур, в обилии росли массивы черного тутта (шелковицы). «Тутовница – отмечали они в указанном выше отчете – сплошными насаждениями находятся в особенности в ущельях Пижа, Битха, Вардане и Лоо». Здесь, а также в бассейнах речек Псаха, Жоабзи, Буу, Детляшха, Беранда и Хажи комиссия установила множество разбросанных горских садов, в которых, наряду с виноградом, яблоней, черешней, хурмой, алычой, персиком, фигой, каштаном и прочими культурами, имелись насаждения шелковицы.

Ф. И. Гейдук, изучивший хорошо состояние хозяйства по Черноморскому побережью Кавказа, в 1871 г. отмечал: тутовник произрастает здесь превосходно, как сырье для шелководства, и «кавказский шелк покупается охотно по всей Европе, при хорошей размотке ценится дороже французского и персидского» [20]. Однако шелководством занималось лишь мусульманское население, то есть – то немногочисленное горское население, которое осталось на исторической родине.

Одно только обстоятельство, что античные писатели на заре нашей эры население между реками Бзыбь и Шахе именовали санигами – *виноделы* (от адыг. *санэ* – вино) говорит о многом.

Как показано выше, древнее население окрестностей Сочи осваивало окружающие земли, по образному выражению Клингена, 3000 лет назад, и было связано с мотыжным земледелием, о чем говорят мотыжки «соchi-адлерского» типа, сходные с аналогичными орудиями Малой Азии (Л. Н. Соловьев) [21, с. 160 – 162]. Навыки скотоводства, очевидно, также были завезены в эти края из прародины, ибо за племенами, смешавшимся с абorigе-

нами восточного берега Черного моря, не закрепилось бы в исторической литературе имя малоазийских земледельческо-пастушеских.

О древности занятия праубыхов скотоводством красноречиво говорят и животноводческая терминология из исконного пласта их языка, не имеющего сходства в родственных абхазо-адыгских языках. Таковы лексические единицы – домашнее животное, петух, курятник, теленок, горная коза, козел, буйвол, ягненок и др., хотя ряд иных терминов – лошадь, осел, гусь, пчела и т. д. сходны с абхазо-адыгскими [1, с. 56 – 108].

Судя по сообщениям от античных (Страбон, Плиний, Арриан и др.) и до средневековых и позднесредневековых писателей (Вахушти, Масуди, Эвлия, Пейсонель и др.), предки современных абхазо-адыгских народов активно вели товарообмен с греками, римлянами, византийцами, генуэзцами, а позже с турками своими произведениями растениеводческого и животноводческого происхождения.

Анализируя данные Пейсонеля середины XVIII в., следует отметить, что скотоводство по Западному Кавказу велось в огромных размерах. Жители региона ежегодно били до 500 000 баранов и продавали до 200 000 бурок, 200 000 бычьих рогов, 80 – 100 тысяч ц. шерсти, 100 тысяч штук чекменей, а также десятки тонн меда, воска и т. д. Не меньше продукции шло в пищу, на изготовление одежды и обуви. Масса тисового, пальмового и строевого леса грузилась на иностранные корабли. Еще в последней трети XVIII столетия, по Пейсонелю, общий вывоз товаров из Черкесии составлял по тогдашним деньгам до двух миллионов рублей [22, с. 11, 12, 23 – 31]. Из этого объема, как анализирует Клинген, на долю жителей восточного побережья Черного моря «приходилось около миллиона по нынешнему курсу».

Ф. Ф. Торнау в 1835 г. у населения междуречья Сочи и Бзыби, где черезполосно жили убыхи и садзы, заметил, что в этих местах «весьма немного открытых мест для пастбищ и полей ... Из царства животных водятся здесь в небольшом количестве лошади, ослы, буйволы, порода мелкорослых коров, изредка бараны и козы ... Из домашних птиц видны только куры» [18, с. 455]. Скучная характеристика Торнау не дает общей картины состояния здесь хозяйства, где местное население на морском берегу больше занималось земледелием и садоводством. В приморской зоне и убыхи меньше занимались скотоводством. И здесь в этих целях содержалось лишь то количество скота для обслуживания ежедневных потребностей.

Иная картина была в верхней Убыхии. Здесь находились основные площади пастбищ, над земледелием и садоводством преобладало скотоводство. По этой причине, как отмечают, источники между жителями приморья и горной зоны происходил внутренний товарообмен продукцией.

Н. И. Карлгоф в 1845 – 1854 гг. писал: «Из-за малого количества лугов прибрежные жители не имели обширного скотоводства, скот их мелок и не отличается хорошими качествами; на северной же покатости (Закубанье. – М. К.) обширные долины доставляют жителям возможность держать большие табуны лошадей и значительное количество рогатого скота и овец» [16, с. 121]. Приблизительно такую же оценку давал М. И. Венюков в конце Кавказской войны относительно скотоводства горцев в Закубанье и в приморской зоне. Кроме того, он также отмечал, что их экономический быт был крайне прост, «главное богатство их в скотоводстве, особенно в баранах и лошадях. Рабочий скот составляют волы ... Горские коровы молока не дают, кроме того времени, когда кормят телят ...» [23, с. 185].

Аграрий И. Серебряков, описывая горский скот, обращает внимание на малый рост лошадей, коров и овец и на их особенную выносливость и нетребовательность в уходе и пище.

Ф. И. Гейдук, рассуждая о будущем сельского хозяйства Сочинского округа, считал, что порода рогатого скота местных горцев не похожа ни на одну из европейских пород. Их коровы мелкие, нежного сложения, с тонкими ногами и с довольно развитой грудью. Однако молочность горских коров он ставил выше, чем у скота степной породы,

«и я полагаю, – писал он, – что скрещивание ее с одной из тирольских или швейцарских пород доставило бы хорошие результаты» [20].

Он считал также, что овцы черкесов, вероятно, перешли от соседних горцев и малым отличались от пшавских и карачаевских, скорее представляя не чистую породу, а помесь нескольких пород, что удовлетворительно объясняется способом их приобретения. Спенсер также утверждал, что в черкесских овцах есть кровь низменных казацких овец, отбитых ими у казаков во время набегов. Во всяком случае, овцы эти принадлежали, главным образом, к мясной породе. Они давали превосходное мясо и грубую, мало уравненную шерсть, годную, однако, для бурок, сукон, чулок, папах и прочих принадлежностей горского обихода.

Козы для горцев имели не меньшее, если не большее значение, чем овцы. По словам Спенсера, они отличались необыкновенно большим ростом и давали очень длинную шерсть для всевозможных домашних надобностей. Мясо козлят отличалось хорошим вкусом и почти отсутствием неприятного козьего запаха. Козы давали много молока, из которого готовился сыр. Этот сыр и сыр из коровьего молока особенным образом прокапчивался в трубе и, под именем «вожака», поступал в обращение в зимнее время. Молодой поджаренный сыр с кукурузным тестом считается и до сих пор у всех кавказских горцев одним из лакомых блюд.

В. Борисов в своих очерках о хозяйстве убыхов и других горцев приморья отмечал, что они содержат большое количество коз. Их увлечение козами он объяснял так. Учитывая, что местные кровы были мелки и малопродуктивны по сравнению со степными породами, и для их содержания требовалось много корма, они больше всего предпочтение отдавали молочным козам. Он утверждал: «Коза дает довольно много молока; обыкновенно считают, что четыре козы дают столько молока, сколько дает одна корова» [24]. Очевидно, что горцы учитывали не только это, но и превосходство козьего молока над коровьим по содержанию ценных ингредиентов, в том числе лечебных.

Тем не менее, коровье молоко, подквашенное кислым молоком, нечто вроде кефира, было самым употребительным и освежающим напитком по всему побережью восточного берега. Кто не употреблял бузы или вина, оно заменяло им всякое питье.

Лошадей, как отмечали француз А. Фонвилль, поляк Т. Лапинский и др. очевидцы, разводили убыхи и их соседи главным образом для верховой езды и славились своею необыкновенною быстротой, выносливостью и преданностью хозяину. Верховая лошадь отличалась искусством проворно ходить с седоком по скользким горным утесам, проходить их «с легкостью дикой козы», легко преодолевать бурные потоки рек. Европейская лошадь в таких условиях, как признавали очевидцы (Фонвилль), непременно остановилась бы. Она также приучалась ходить за хозяином, прибежала на его свист, ложилась рядом с ним во время засад и вообще поражала своей понятливостью и другими качествами. Ф. Ф. Торнау в своих воспоминаниях описал случай, когда отряд абреков во время одного из набегов на Кубань сделал 160 верст за 14 часов [18, с. 214].

В культуре жизнеобеспечения убыхов, впрочем, как и у многих кавказских народов, значительное место занимало пчеловодство. Мед для убыхов являлся не только продуктом питания, но и лечебным средством от всяких недугов и болячек.

С доисторических времен праубыхи и другие жители лесного побережья Кавказа умело занимались бортничеством – разведением диких пчел для сбора меда, о чем ряд античных авторов, в частности Страбон, оставили свои свидетельства. О занятиях жителей побережья Черного моря разведением пчел и производством меда имеется множество примеров и у средневековых авторов – ал-Омари, Эвлия Челеби, Арканджело Ламберти, а также у военных очеркистов периода Кавказской войны.

В связи с тем, что в этом крае разведению пчел способствует сама природа, Варгасде-Бедемар отмечал: «Примером может служить то, что из 10 ульев, купленных в Гаграх у горцев при их выселении, сделалось по окончанию года 60 ульев» [14, с. 131].

И. Серебряков, исследуя хозяйство Сочи в 1865 году, указывал: «Горцы занимались и пчеловодством, которому весьма благоприятствуют местные обстоятельства. От ранней

весны и до глубокой осени в лесах и прогалинах не переводятся цветы превосходных медоносных растений. Соответствие здешних мест для пчеловодства доказывается находящимися в настоящее время в большом изобилии гнездами диких пчел. Доходы с пчеловодства в этой местности надо считать скорее дарами природы, чем вознаграждением трудов, так как здесь почти весь труд состоит только в сборе урожая. Мед и воск сбывались горцами за границу» [2].

А. В. Верещагин в своих путевых заметках заметил: «Местные условия Черноморского округа настолько хороши для пчеловодства, что эта отрасль хозяйства должна иметь большое значение для края. Как рассказывают, горцы занимались пчеловодством весьма охотно и имели от него значительную прибыль. Пчела развивается здесь быстро, так что каждый улей может дать в одно лето от 4 до 5 и более роев; кроме того перваки дают 2 и 3 роя».

В. Чернявский в 1878 году признал, что «Едва ли в Российской империи найдется такой край, где бы естественные условия представляли более задатков для процветания пчеловодства, чем юго-западное Закавказье, т. е. Абхазия, Джигетия (южная часть Черноморского округа), бывшая земля убыхов и Гурия» [25, с. 19].

Исследователь Сочи И. Н. Клинген о пчеловодстве местных жителей сделал следующее заключение: «Пчеловодство было у горцев в большом почете; мед и воск служили одной из самых крупных статей вывоза. Самый лучший мед добывался медовеевцами. Он был очень белый, плотный, кристаллический, похожий на рафинад и отличался чудесным ароматом. Мед потреблялся жителями в широких размерах и не только в сотах, но примешивался к разного рода напиткам и кушаньям» [4, с. 3 – 129].

М. Пейсонель в начале второй половины XVIII века был свидетелем вывоза горцами меда и воска. Он отмечал, что из Абазы (в него он включал и Убыхию) ежегодно вывозится около 50 тонн меда и «громадное количество воску, приобретаемого по очень выгодной и крайне низкой цене. Купцы, производившие эту торговлю и обогатившейся на ней, уверяли меня, что не раз покупали мед ниже 20 пара за ок». Он же относительно Черкесии утверждал, что оттуда ежегодно вывозились 7 – 8 тысяч ок воска, который доставлялся в Тамань, а оттуда – в Каффу и Константинополь. Этот воск в неочищенном виде продавался «по 20 пара за ок и 30 пара за хорошо очищенный». Местные же крымчане перепродавали воск без всякого дополнительного труда за 38 – 42 пары за ок туркам Константинополя, где цена за ок была «возвышена, а спрос на него увеличился» [22, с. 11, 12, 23 – 31].

Понятно, что не все население подряд занималось пчеловодством. Занятие этой отраслью хозяйства требовало тонких знаний разведения и содержания пчел. Тем более очевидцев удивляло тем количеством улей содержащихся у горцев. Ив. Аверкиев в 60-х годах XIX в. писал об увиденных им в деревнях Абхазии от 3-х до 5-ти колод (ульев) в каждом дворе. А. В. Пахомов в 1868 г. в горном обществе Куджба (верховья Бзыби) на 50 дворов насчитал до 20 тысяч ульев [26; 27, с. 49]. У сочинских колонистов И. Н. Клинген в 80-х годах XIX в. установил, что у них оставались 11 тысяч колодок, оставшихся от изгнанных убыхов, которые последние «не успели уничтожить ..., так что жители на первых порах пользовались даровым наследством». Если даже учесть, что каждая убыхская семья занималась пчеловодством, то выходит, что на одну из них приходилась одна колодка.

Всё увиденное современниками убыхов о культуре их жизнеобеспечения говорит не только о том, что надо было знать и делать для обеспечения собственных нужд в содружестве с природой и климатом. Опыт их жизни показывает, что они за тысячелетия занятий различными отраслями сельского хозяйства научились тонко сочетать все составляющие элементы гор, почвы, климата, моря, флоры и фауны, сохраняя при этом экологию окружающей среды. Не это ли показатель их агрикультуры, которые не могли достигнуть столь «цивилизованные» новопоселенцы несколько десятков лет, поле их исхода в Османскую империю.

Графиня П. С. Уварова отмечала, что завоеванный край «нуждается в разумных поселенцах и, в особенности, в разумной администрации, направленной к сохранению, а не

уничтожению богатства края: горы, когда-то покрытые сплошным лесом, превращаются мало-помалу в пустыню, благодаря варварскому обращению строителей железной дороги и, в особенности, местных жителей-казаков, которые, очищая осенью поля от бурьяна и кустарника, выжигают огромные площади. Лес пылает тогда по всей округности, и лесничий, приставленный правительством для его разумного сохранения, любителю со своего балкона пожарами, как в былое время Нерон пожаром, уничтожавшим Рим. Истребление лесов в этой местности, равно как и на Кубани, зловредно действует на плодородие почвы и на местные урожаи: вот уже несколько лет, как фруктовые деревья Черноморского округа не приносят более плодов» [28].

Горцы же с давних пор относились весьма разумно к сельскохозяйственному богатству края. Они «не стеснялись и не останавливались перед глубокой обработкой отдельных горных полей и, заселив все горные ущелья, сумели, несмотря на постоянные набеги, жить с достатком, иметь поля и фруктовые сады, водить пчел, рогатый скот и целые табуны лошадей. Достатка этого хватало и на лихого скакуна, и на богатое вооружение, и на изящную одежду» [28].

Теперь все изменилось. Край покорен. Черкесы выселены. «Новые поселенцы – малороссы, казаки, греки поля запустили, фруктовые сады уничтожили, леса вырубает, а сами, несмотря на благодатный край, ходят такими же нищими, голыми, невзрачными, как и на севере. Приедешь в станицу – построек мало, земли пропасть; вместе с тем нет ни куска мяса, ни курицы, ни яйца, ни хлеба, ни крынки молока, ни зерна овса, ни клока сена. Хлеба и тут, подобно нашим средним и северным губерниям, не хватает дальше января. Спрашиваем: «От чего не сеете больше?». Ответ один: «Сил не хватает»; и одна и та же причина: лень, нерадение и крайнее невежество. Становится и горько, и досадно смотреть на этих поселян: насилу двигаются, насилу отвечают, грязны до безобразия, начальство же их (избранные или назначенные старосты) и та молодежь, которая вращается среди них с какой-либо служебной или научной целью, – все поголовно какие-то униженные, бескостные, бескровные существа» [28].

Объективности ради нужно сказать, что более высокий уровень самообеспечения, в отличие от соседей, убыхами достигался не только за счет своего хозяйства, местных ремесел и промыслов. Убыхи в свое время активно занимались и работоторговлей, от которой они имели немало достатка. Источники подчеркивали, что в социально-экономическом отношении они намного превосходили соседних горцев, в особенности абадзехов на северной покатости гор. Понятно, что работоторговля приносила барыши только избранным. Остальное же население добивалось удовлетворения своих потребностей лишь за счет своего труда.

Отсюда вывод один: жизнеобеспечение убыхов поддерживалось не только за счет работоторговли, которым занимались лишь немногие, имевшие к тому связи в Турции и другие материальные возможности. Они строили свое благополучие за счет, прежде всего, активной деятельности на своей земле и торговли произведениями хозяйства как внутри страны, так и с зарубежными купцами.

Описанная выше органичная внешней среде культура жизнеобеспечения убыхов поддерживалась включенной в нее системой нравственного воспитания, политического устройства и правового регулирования, основными ценностями, свойственными убыхам и их соседям – народам Северо-Западного Кавказа.

В существующей научной литературе, однако, политико-правовой опыт убыхов, их соседей – абхазов, шапсугов, абадзехов, хакучей, – представлен крайне поверхностно и в самых общих чертах. Его исследование предстоит осуществить новым поколениям ученых. Нет сомнения в том, что политико-правовое устройство и развитие названных народов, как и изложенная здесь система жизнеобеспечения убыхов и их соседей, оригинальна, поучительна и достойна занять принадлежащее ей место в политической и правовой истории человечества.

И свидетельством тому является факт создания в 1861 г. на земле убыхов объединенной с соседними народами государственности, не успевшей, правда, развернуть явно заложенный в ней потенциал в силу особенностей времени ее возникновения.

Литература

1. *Дирр А.* Язык убыхов / Рус. пер. с англ. З. Габуния, Р. Сакиева. Нальчик, 1996.
2. *Серебряков И.* Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // ЗКОСХ. 1867. № 1 – 2.
3. *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абадзехи // ЗКОРГО. Т. XII. Вып. 4. Тифлис, 1902.
4. *Клингген И. Н.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897.
5. *Spenser E.* Travels in Circassia. Vol. II. London, 1837.
6. *Белл, Джеймс.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 – 1839 гг. Пер. с англ. К. А. Мальбахов. Т. 1. Нальчик, 2007.
7. *Скорятин В. Д.* Заметки о Кавказе // Отечественные записки. Март – Май, 1862.
8. *Орехов И. О.* По южную сторону западного Кавказа // Военный сборник. 1869. № 10 – 12.
9. *Дюбуа де Монпере, Ф.* Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. I. Нальчик: ИЦ «Эль-Фа», 2002.
10. *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северного Кавказа. Том 1. Нальчик: ИЦ «Эль-Фа», 2001.
11. *Хатисов И. С.* Отчет комиссии по использованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью // ЗКОСХ. Тифлис, 1867. № 5 – 6.
12. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба. В 2-х т. Нальчик., 1995. С. 55;
13. *Невский П.* Куб. край в 1864 году // Газ. «Кавказ». 1868. № 97.
14. *Варгас-де-Бедемар.* Записка об осмотре западного черноморского берега Закавказского края // ЗКОСХ. Тифлис, 1867. № 3 – 4.
15. *Лонгворт, Дж. А.* Год среди черкесов. В 2-х томах. Нальчик, 2002.
16. *Карлгоф Н. И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих берег Черного моря // Ландшафт, этн. и ист. процессы на Сев. Кавказе в XIX – нач. XX в. Нальчик, 2004. С. 111.
17. *Жуковский П. М.* Культурные растения и их сородичи. М., 1950.
18. *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания Кавказского офицера. Ч. II. М., 1864.
19. *Зубов П.* Картина кавказского края // Русские авт. XIX в. о народах Центр. и Северо-Западного Кавказа. Т. 2. Нальчик, 2001.
20. *Гейдук Ф. И.* О значении сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Русский вестник. СПб., 1871. Т. 92. № 3.
21. *Соловьев Л. Н.* Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры // Труды АИЯЛИ. Т. XXIX. Сухуми, 1958.
22. *Пейсонель М.* Исследование торговли на Черном море в 1750 – 1762 г. МЦТК «Возраждение», 1990.
23. *Венюков М. И.* Исследования и материалы // Ландшафт, этн. и ист. процессы на Сев. Кавказе в XIX – нач. XX в. Нальчик, 2004.
24. *Борисов В.* Сельскохозяйственные очерки восточного берега Черного моря (Черноморский округ Куб. обл.) // Земледельческая газета. СПб., 1873. № 41, 42, 43, 52.
25. *Чернявский В.* Записка о положении пчеловодства в Абхазии // Труды Вольного экономического общества. Т. 2. Вып. 3. СПб., 1878.
26. *Аверкиев И. В.* С северо-восточного побережья Черного моря // Газ. «Кавказ». 1866. № 76.
27. *Пахомов А. В.* Цит. по: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии. Сухуми, 1958.

28. Уварова П. С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. II. М., 1891.

Kishmakhov Magomet Hagi-Bekirovich, candidate of historical sciences, associate professor of history of Russia, Karachay-Cherkess State University (29, Lenin St., Karachayevsk, 369200, Russian Federation). E-mail: kishmakhova_a @ mail.ru

CULTURE OF LIFE SUPPORT OF UBYKHS AS BASIS OF THEIR POLITICAL SYSTEM AND LEGAL SYSTEM

Abstract

Article lights a condition of culture of life support of Adyghe and Ubykhs Big with Sochi in the recent past (19-th century) which population was generally deported to the Ottoman Empire. A conclusion about rather high on that time to an agrikultura of local population is proved in it. An assessment is given to the level of development of economy of new settlers for ensuring own needs. The research edifies about need of maintaining for this sector of Black Sea Coast of more effective, ecologically reasonable scientific system of conducting agriculture, gardening and other branches of economy.

Keywords: *agrikultura, agriculture, gardening, livestock production, culture of providing population with organic food.*

References

1. Dirr A. Yazyk ubyhov / Rus. per. s angl. Z. Gabuniya, R. Sakieva. Nal'chik, 1996.
2. Serebryakov I. Sel'skohozyaistvennye usloviya Severo-Zapadnogo Kavkaza // ZKOSKH. 1867. № 1 – 2.
3. Diachkov-Tarasov A. N. Abadzehi // ZKORGO. T. XII. Vyp. 4. Tiflis, 1902.
4. Klingen I. N. Osnovy hozyaistva v Sochinskom okruge. SPb., 1897.
5. Spenser E. Travels in Cirkassia. Vol. II. London, 1837.
6. Bell, Dzheims. Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837 – 1839 gg. Per. s angl. K. A. Mal'bahov. T. 1. Nal'chik, 2007.
7. Skoryatin V. D. Zametki o Kavkaze // Otechestvennye zapiski. Mart – May, 1862.
8. Orehov I. O. Po yuzhnuyu storonu zapadnogo Kavkaza // Voennyi sbornik. 1869. № 10 – 12.
9. Dubua de Monpere, F. Puteshestvie vokrug Kavkaza, u cherkesov i abhazov, v Kolhide, Gruzii, Armenii i Krymu. T. I. Nal'chik: ITs «El'-Fa», 2002.
10. Stal' K. F. Etnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda // Russkie avtory XIX veka o narodah Central'nogo i Severnogo Kavkaza. Tom 1. Nal'chik: ITs «El'-Fa», 2001.
11. Hatisov I. S. Otchet komissii po ispol'zovaniyu zemel' na severo-vostochnom beregu Chernogo morya mezhdru rekami Tuapse i Bzybiu // ZKOSKH. Tiflis, 1867. № 5 – 6.
12. Lapinskiy T. Gortsy Kavkaza i ih osvoboditel'naya bor'ba. V 2-h t. Nal'chik:, 1995. S. 55;
13. Nevskiy P. Kub. kray v 1864 godu // Gaz. «Kavkaz». 1868. № 97.
14. Vargas-de-Bedemar. Zapiska ob osmotre zapadnogo chernomorskogo berega Zakavkazskogo kraja // ZKOSKH. Tiflis, 1867. № 3 – 4.
15. Longvort, Dzh. A. God sredi cherkesov. V 2-h tomah. Nal'chik, 2002.
16. Karl'gof N. I. O politicheskom ustroistve cherkesskih plemen, naselyayuschih bereg Chernogo morya // Landshaft, etn. i ist. processy na Sev. Kavkaze v XIX – nach. XX v. Nal'chik, 2004. S. 111.
17. Zhukovskiy P. M. Kul'turnye rasteniya i ih sorodichi. M., 1950.
18. Tornau F. F. Vospominaniya Kavkazskogo oficera. Ch. II. M., 1864.
19. Zubov P. Kartina kavkazskogo kraja // Russkie avt. XIX v. o narodah Centr. i Severo-Zapadnogo Kavkaza. T. 2. Nal'chik, 2001.
20. Geiduk F. I. O znachenii sel'skohozyaistvennoy promyshlennosti na severo-vostochnom beregu Chernogo morya // Russkiy vestnik. SPb., 1871. T. 92. № 3.
21. Soloviev L. N. Noviy pamyatnik kul'turnyh svyazey kavkazskogo Prichernomoria v epohu neolita i bronzy – stoyanki Vorontsovskoy peschery // Trudy AIYaLI. T. XXIX. Suhumi, 1958.

22. Peisonel' M. Issledovanie torgovli na Chernom more v 1750 – 1762 g. MTsTK «Vozrazhdenie», 1990.
23. Venukov M. I. Issledovaniya i materialy // Landshaft, etn. i ist. processy na Sev. Kavkaze v XIX – nach. XX v. Nal'chik, 2004.
24. Borisov V. Sel'skohozyaistvennye ocherki vostochnogo berega Chernogo morya (Chernomorskiy okrug Kub. obl.) // Zemledel'cheskaya gazeta. SPb., 1873. № 41, 42, 43, 52.
25. Chernyavskiy V. Zapiska o polozhenii pchelovodstva v Abhazii // Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obschestva. T. 2. Vyp. 3. SPb., 1878.
26. Averkiev I. V. S severo-vostochnogo poberezhia Chernogo morya // Gaz. «Kavkaz». 1866. № 76.
27. Pahomov A. V. Cit. po: Dzidzariya G. A. Narodnoe hozyaistvo i social'nye otnosheniya v Abhazii. Suhumi, 1958.
28. Uvarova P. S. Kavkaz. Abhaziya, Adzhariya, Shavshetiya, Poskhovskiy uchastok. Putevye zametki grafini Uvarovoy. Ch. II. M., 1891.

УДК 34.01 (470.66)

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЧЕНСКИХ ТАЙПОВ: БЕЛГИАТОЙ КАК ОДИН ИЗ СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЕДИНОГО ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА*

Сайдумов Джамбулат Хамидович доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Чеченского государственного университета; доцент, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Ученый секретарь института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики (364051, Россия, г. Грозный, Старопромысловское шоссе, 21 а)
E-mail: bulatto@mail.ru

Аннотация

В статье дается общая характеристика институту тайп, раскрывается его основа, функции и компетенции. На примере отдельного тайпа чеченского общества выстраивается реконструкция его зарождения, организации, эволюционной структурной трансформации выраженной в ответвлении от него его составных элементов. Представлена география расселения в прошлом и на современном этапе.

Ключевые слова: тайп, общество, власть, государство, право, закон, правовая культура, исследование, институт, наука, эволюция, вектор развития, генеалогия.

Современная наука за последние 15 лет существенно обогатилась рядом научных исследований, направленных на восполнение существующих пробелов по истории чеченского народа: его права, государственности. Изучение такого института как (тайп/тейп) является предметом исследовательского интереса со стороны отечественных и зарубежных ученых в разные периоды. Историко-правовой интерес к тайпу, превалировавший с XIX в. по конец XX века, с научной составляющей кардинально сменился вектором, имеющим политическую основу. Эта динамика привела к созданию различного рода несвойственных характеристик данному институту. Выскажем мнение, что подобного рода целенаправленные действия имели задачи дискредитации самого феномена «тайп», выстраивания вокруг него ореола обособленности, главенства или доминирования внутри чеченского общества

* Статья публикуется в авторской редакции.